

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИДЕАЛЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д. К. Бурлака

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА: ИДЕЯ, ВОПЛОЩЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

«Вестник РХГА» — журнал междисциплинарный. Это издание воспроизводит междисциплинарность образовательной и научно-исследовательской деятельности Академии. Междисциплинарность не исключает реализации образовательных программ и исследований, построенных по отраслевому принципу, например, в области психологии или искусствоведения. Но предполагает в большей или в меньшей степени скоординированность их с другими программами и интегрированность в общую систему на основе единого принципа. Предлагаемый текст также носит междисциплинарный характер. Он — «между» такими сферами как педагогика, культурология, философия (в особенности такая ее часть как аксиология), религиоведение и теология. Последняя, хотя и не считается в нашей постсталистической стране «наукой» в полном смысле слова, удостоенной чести быть включенной в «Номенклатуру научных специальностей ВАК», но в качестве направления подготовки бакалавров и магистров уже признана. Остается надеяться, что когда-нибудь мы признаем и европейский научно-образовательный опыт, для которого именно схоластическая теология выступила первой формой научности, обеспечив условия для ее последующей внутренней дифференциации.

Образование — предмет педагогики. Однако по-своему оно может исследоваться в культурологии: место образования в культуре, его культурообразующая функция, влияние культуры в целом и отдельных ее слоев на систему образования. Философия, как мыслящее себя мышление, подвергает рефлексии основания, которые в других науках полагаются самоочевидными, проблематизирует аксиоматическое. Философия образования подвергает анализу на предмет обоснованности методологию и мировоззрение образовательных концепций и стандартов. Философия религии раскрывает саму идею религии, учитывая различные ее эмпирические формы, но специально их не изучая. Этим занимается религиоведение. Религиоведение принимает религиозную жизнь как факт, абстрагируясь от ее трансцендентных ноумenalных оснований, таких как Бог и бессмертие. Его ценность в отстраненном исследовании

---

* Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ, соглашение № 14.U02.21.0028.

феноменов различных религий, включенности самого феномена религии в состав культурно-исторической реальности, анализ цивилизационной обусловленности этого феномена и его воздействия на другие сферы социальной жизни. Теология, представленная в форме богословия культуры, открывает перспективу интегрального видения указанных феноменов из некой трансцендирующей их точки. Она говорит о временном *sub specie aeternitatis*. Слабость теологии, которая не вооружена религиоведческим и культурологическим инструментарием, заключается в некритическом отождествлении Откровения с историческими напластованиями и внешними заимствованиями. Теологу, особенно со статусом в иерархии, легче представить себя рупором Говорящего из вечности, нежели религиоведу, который склонен, напротив, релятивизировать духовные феномены.

Образование — одна из важнейших систем, обеспечивающих жизнь и развитие любой цивилизации. Не будем воспроизводить модное противопоставление культуры и цивилизации, введенное в оборот Н. Бердяевым и О. Шпенглером. В данном контексте более уместна позиция А. Тойнби, в которой культура рассматривается как духовно-душевное ядро, а цивилизация как психосоматическая оболочка единого по сути организма. Одушевленность и жизненность, таким образом, присущи как высшим сферам духовной жизни — религии, искусству, философии, так и самым приземленным, вроде техники и экономики. Культура и цивилизация в широком объединяющем их смысле представляют собой плод колективной демиургии человеческого рода, т. е. ту вторую природу, которую человек создает в истории, творя в этом процессе свою человечность. Эта демиургия осуществляется как символическая органопроекция. Я вкладываю в это понятие более широкое значение, нежели о. П. Флоренский, который ввел в оборот отечественной философии сам термин. У любой сферы культурной жизни — экономики, права, философии, науки и других может быть обнаружена своя функция, аналогичная органу или подсистеме биологического организма. Религия мне представляется исполняющей функции сердца в библейском значении этого термина. Научно-философское творчество подобно мозговой деятельности. Система образования выполняет генерирующую, воспроизводящую или, говоря языком биологии, детородную функцию в составе цивилизационного организма¹.

Благодаря системе образования и ее различным элементам репродуцируют себя практически все сферы социокультурной жизни — техника и экономика, ремесло и искусство, право и политика, философия и различные науки. Это происходит в соответствующих сферах отраслевого образования (технического, экономического, эстетического, политологического и т. д.). Однако образование как социально-культурная подсистема выполняет и общую функцию — формирование гражданина из маленького животного, каковым фактически является появившийся на свет человек. Начальное воспитание дает семью. Однако процесс становления человека личностью происходит через освоение коллективного опыта, закрепленного в элементах культуры, осуществляется через интегрированность индивида в системы начального, среднего и высшего образования. Процесс восхождения по ступенькам этой лестницы меняет образ мысли и действия обучающегося. Культура — духовный организм, и репродуктивная функция в нем реализуется как процесс образования и воспитания, в котором осуществляется как профессиональный, так и личност-

---

¹ См. подробнее: Бурлака Д. К. Метафизика культуры.— СПб., 2008. — С. 86–89.

ный рост индивида. Мировоззренческая функция образования неотчуждаема, хотя ее удельный вес в начальном и среднем, профессионально-техническом и высшем гуманитарном разнится.

Роль гуманитарного образования в формировании картины мира, без наличия которой личность попросту не может состояться, фундаментальна. Не принижая значение математики и естественных наук, укажем, что они влияют на построение картины мира не напрямую, а опосредованно — через философию. Позитивистский или материалистический пиетет перед естествознанием — это философская позиция. Философской, позитивистской по духу, позицией является и доминирующий в современной российской образовательной политике тренд — разложить любое знание на элементы и, подсчитав их, определить «эффективность» (отсюда, в частности, система ЕГЭ и многочисленные тестирования в системе высшего образования).

Однако и само гуманитарное образование может быть выстроено по отраслевому принципу. Сциентизм проявляется в подходе, когда историк должен знать историю, ну и еще кое-что (по возможности и если останется время) из области литературы, искусства, философии, а философ, психолог или филолог — соответственно... По сциентистскому принципу был выстроен образовательный процесс в большинстве вузов СССР, где сциентизм подкреплялся и господствующей материалистической философией и глубокой милитаризацией экономики. Наше критическое отношение к сциентистско-отраслевой модели вузовского образования не отрицает ее исторической необходимости. Отраслевой принцип построения образовательных систем представляет собой вполне органичный элемент цивилизации индустриального типа. Поэтому сциентистский принцип имел очень сильные позиции и в западной гуманитаристике, однако ситуация стала меняться во второй половине XX века в пользу междисциплинарности. Это было обусловлено переходом к постиндустриальному обществу, а в философии было подкреплено идеями феноменологии, экзистенциализма, структурализма, возрастанием интереса к культуре в целом. В СССР роль культурологии в системе социогуманитарных наук исполнял исторический материализм. Может быть, поэтому культурология довольно легко прижилась и быстро расширила свое влияние в постсоветском образовании.

Культурология является достаточно молодой наукой, поэтому вполне естественны дискуссии о ее методах и предметном поле. Ее задачи могут быть поняты как исследования отдельных феноменов с целью их сравнения и классификации, но в любом случае общий горизонт, расширяющий границы специально литературо-ведческого или искусствоведческого исследования, присутствует. Взятая в пределе, эта функция приводит к пониманию культурологии как методологически и мировоззренчески интегральной науки по отношению ко всему комплексу социогуманитарного знания.

Философия, хотя формально и классифицируется как одна из гуманитарных наук, возвышается над гуманитаристикой по трем основаниям — гносеологическому, онтологическому и аксиологическому. Только философия делает предметом анализа сам процесс мышления, тогда как сознание ученого в других науках захвачено своим предметным полем. Только философия говорит об Абсолютном, предлагая некий образ вечности, тогда как предметами других социогуманитарных наук выступают различные аспекты существования человека во времени. Собственно, ведь и культура как таковая временна, хотя и фиксирует сохраняющееся в изменениях, «вечность» творений человеческого гения достаточно проблематична. Философия содержит

онтологию — концепцию бытия, тогда как остальные социогуманитарные науки признают отдельные регионы сущего. Гуманитарные науки («науки о духе» в терминах неокантианцев) оценочны, в отличие от наук естественных, математических и технических. Однако они не ставят вопроса о бытии ценностей и не соотносят различные ценностные содержания, взятые в частном виде, друг с другом. Такова специальная задача аксиологии.

Философия выстраивает мировоззрение, осмысливая и систематизируя категории, которые в нерефлексированном виде содержатся в теоретическом знании, и ценности, которые опять-таки в нерефлексированном виде содержатся в знании практическом и гуманитарных науках. В любом случае культурология как в значении интегрального знания, так и дифференцированных исследовательских отраслей имеет дело с ценностями и даже ведет речь о них, однако специальной рефлексией ценностей занимается аксиология или аксиологически фундированная культурология. В последнем случае она предполагает в качестве своей части или основания определенную философию культуры. В меру своей онтологичности философия культуры будет тяготеть к теологической проблематике. Мере культурологичности этой философии культуры будут соответствовать — с учетом современной постсекулярной ситуации — методологические и содержательные заимствования из религиоведения.

Педагогика — это и наука, и сама сфера образовательной деятельности, педагогический опыт. Для нас оба значения актуальны, поскольку ценностно-культурологическая педагогика сформировалась как концепция на основании практики образовательной деятельности. Концепция ценностно-культурологической педагогики — плод деятельности РХГА. Ее история началась в годы позднего СССР, когда старое уже разваливалось, а контуры грядущего еще не были ясны. Не было нового законодательства об образовании, но инициатива уже была разрешена. В Ленинграде возникли Высшие гуманитарные курсы (ВГК). Термин «курсы» не должен вводить современного читателя в заблуждение: образовательная организация изначально задумывалась как регулярное учебное заведение, альтернативное или дополнительное к действующим, а «курсы» отсылали к дореволюционной культуре, например «Бестужевским курсам». Исторически первым шагом к созданию ценностно-культурологической педагогики стал переход от отраслевой (сциентистской) схемы высшего гуманитарного образования к модели целостного гуманитарного образования. Первый подход был характерен для большинства советских вузов, в меньшей степени для классических университетов. Концепция и лозунг целостного (комплексного) гуманитарного образования стала идеейной и эмоциональной основой работы ВГК в 1989–1993 гг. На их основе вырос и с 1993 г. их поглотил Русский христианский гуманитарных институт (РХГИ). Целостность гуманитарного образования обеспечивалась в РХГИ набором дополняющих друг друга курсов по философии, литературе, истории религии и социальной истории, которые читались учащимся всех отделений на протяжении пяти лет и были скординированы друг с другом и по эпохам — Древность, Средневековье, Новое время и (как особый цивилизационный тип) Россия. Цель — «погружение в культуру» сознания каждого учащегося.

От суммы взаимодополняющих курсов, читаемых яркими преподавателями, перед которыми открылись новые горизонты творческой самореализации за рамками госсектора, постепенно произошел переход к более или менее складной системе. В содержательном плане возросло понимание интегрирующей культурологии. В фор-

мальном аспекте произошло соотнесение реалий с требованиями образовательных стандартов, что было дополнительно стимулировано процедурами лицензирования и государственной аккредитации. Сформулированная в середине 90-х², концепция целостного гуманитарного знания вполне сложилась к началу века³.

Концепция культурологически-целостного образования — основа деятельности РХГИ-РХГА. Получение институтом статуса «академии» в 2004 г. стало результатом интенсивной научной работы, которая воплотилась в многочисленных публикациях и инфоресурсах, размещенных в сети. Тематика исследований в той или иной мере была и остается связанной с образованием. Приоритетные тематические ареалы — философия, культурология, теология, религиоведение. Философия в данном случае — это философия культуры, историческая ее платформа — культурофильские построения представителей русской религиозной метафизики XIX–XX веков от П. Я. Чаадаева и Вл. С. Соловьева до Н. А. Бердяева и Г. П. Федотова. Основная проблематика этих авторов — духовные основания культуры и ее религиозное оправдание. Так открывается горизонт богословия культуры, и в данном случае идеи отечественных авторов оказываются конгениальным построением католических и протестантских теологов, в частности Ж. Маритена, П. Тиллиха.

Культурологически-целостное гуманитарное образование, реализуемое в РХГА, имеет вполне явный религиозный вектор, что отражается в названии вуза. Постепенно созрело и представление о том, что сама культурология требует метафизического обоснования — онтологического, а в пределе и теологического⁴. Образование в случае РХГА представляет собой форму евангелизации, которая осуществляется в светском негосударственном вузе в рамках образовательного процесса и в соответствии с государственным стандартом. Это нетипичный подход, которому сложно найти аналоги в России. Однако аналоги в части общей культурологической ориентации образовательных программ в рамках одного вуза указать можно. Таков, в частности, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) в Москве. Религиозный вектор в последнем случае практически не обозначен. Хотя религия и не третируется как некий «эпифеномен», роль ее и не преувеличивается, трактуясь в значении важного элемента наряду с другими элементами культуры.

В нашем случае религия рассматривается как неотчуждаемое основание культуры. Этот подход, который можно обнаружить уже у Шеллинга и Вл. Соловьева, но наиболее системно обоснованный П. Тиллихом, нуждается в пояснении. В XX столетии ситуация в сфере государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений качественно изменилась. XVII–XIX века представляют собой эпоху секуляризации, а в Европе еще и конфессиональной дифференциации. Источник первой — гуманизм, второй — Реформация. Антропоцентристическое мировоззрение, вытесняя теоцентристичное, меняет культурный ландшафт: религия (в значении институализированной и глубоко социализированной) вытесняется на периферию

² Бурлака Д. К. Русский христианский гуманитарный институт — структурное подразделение СЗО РАО / Вестник СЗО РАО. Образование и культура Северо-Запада России. — 1997. — Вып. 2.

³ Русский христианский гуманитарный институт. Концепция. Программы. Документы. — СПб.: Издательство РХГИ, 2001.

⁴ Бурлака Д. К. Богословие культуры как методология построения высшего профессионального гуманитарного образования. Опыт РХГИ // Антропологический синтез: Религия, философия, образование.— СПб.: Изд-во. РХГИ, 2001. — С. 78–97.

цивилизационной жизни. Реформация, которая некоторыми гранями противоположна гуманизму, но в части «натиска на священные стены» с ним совпадает, породила внутреннюю дифференциацию протестантского мира — с одной стороны, а с другой — инициировала Контрреформацию. Институциализированные конфессиональные традиции, будучи вытеснены на периферию, оказались при этом и в недружественных отношениях между собой. Религиозные конфликты привели в конце концов к формированию принципа толерантности и его законодательному закреплению в рамках светского государства.

На Востоке, благодаря симбиозу православной церкви и монархической государственности, конфессиональной дифференциации не произошло. Однако начиная с Петра Великого государство само инициирует секуляризационные процессы. Церковь в России, по крайней мере формально, становится частью государственной машины, чего не было ни в Византии, ни в Англии после реформ Генриха VIII. Первая мировая война заканчивает с остатками теоцентрических влияний и на Востоке, и на Западе, дав отсчет новой — постконстантиновской эпохе. Для христианского мира имя императора Константина символизирует теократическую модель социума. Однако на исходе Нового времени, переходящего в стадию Новейшего, теократия отнюдь не однозначно вытесняется демократией, хотя десакрализация, казалось бы, должна сменить религиозно фундированную власть на антропоцентрическую. В России и в Германии устанавливается квазитеократические режимы, которые по их духовной сущности вполне можно оценить как демонократии. Они погибли. В России крах коммунистического режима положил начало религиозному возрождению. На Западе ситуация сложнее и лучше всего описывается через понятие постсекулярного общества, которое с определенными оговорками охватывает и российскую специфику. В условиях постсекуляризма религии возвращаются в жизнь общества, но прежнего места в центре культуры занять уже не в состоянии⁵. В ситуации глобализации качественно усиливается межрелигиозная конкуренция, невиданными темпами идут процессы модификации и гибридизации религиозной жизни. В России у этих процессов своя специфика⁶.

Благодаря исследованиям в религиоведении и теологии культуры дифференцировалось понятие религии⁷. Не следует путать разные (порой противоположные друг другу) его аспекты, как то: социально-институциализированная религия и интенция к интегральному смыслу, культурообразующий фактор и конфессиональная субкультура, поклонение Богу и квазирелигиозная сакрализация. Например, если вести речь о псевдо- и квазирелигиях, в рамках нарождающегося богословия культуры С. Н. Булгаков создал две значительные работы, многие предвидения которых стали реальностью в результате большевистской революции — «Карл Маркс как религиозный тип» и «Религия человекобожия у Л. Фейербаха»⁸. Важнейший урок секуляризации Нового времени заключается в том, что религиозность не устранима из культуры: на смену одним формам и традициям приходят другие, в том числе внешне антирелигиозные. Можно согласиться с В. К. Шохиным, который пишет:

⁵ Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? // Российская философская газета. — 2008. — 4 (18). — № 5 (19).

⁶ Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. — СПб., 2013. — С. 124–146.

⁷ См. в частности: Пивоваров Д. В. Онтология религии. — СПб., 2009. — С. 29–35.

⁸ С. Н. Булгаков. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. — СПб.: РХГА, 1997.

«В настоящее время в науке уже считается доказанным, что безрелигиозных эпох в истории человечества не было»⁹. Однако эта мысль требует конкретизации. Социально-институциализированная религиозная действительно может практически отсутствовать, как в СССР, при этом религиозным по своей духовной сути является, что убедительно показал Н. А. Бердяев, сам русский коммунизм¹⁰. Я солидарен во многом с понятием религии, которое разработано П. Тиллихом. Религия в своем онтологическом средоточии представляет собой устремленность человеческого духа к предельному основанию всех относительных смыслов, которое одновременно выступает и смысловой бездной¹¹. Такая интенция из человеческого бытия неотчуждаема. Именно указанная устремленность и соответствующий ей экзистенциальный опыт безусловного формируют религиозность, без которой культура не в силах существовать. Подобно тому как человек не может мыслить (хотя большинство людей и не сознают этого) без идеи актуальной бесконечности, центрирующей остальные категории. Содержание указанной устремленности может меняться. Так происходит восхождение от мифа к Логосу и попутное движение к новым мифам. Но сама интенция неискоренима. Утрата же воли к безусловному-безосновному лишает культуру онтологического средоточия. Тогда за закатом следует смерть.

Параллельно с богословием культуры в начале XX века формировалась аксиология. Опорные точки этого пути: кантовский концепт практического разума,尼цшеанская переоценка всех ценностей, собственно понятие ценностей как трансценденталий практического разума, сформулированное неокантинцами, и религиозно-онтологическая интерпретация системы ценностей М. Шелером. Ценности выступают онтологическим посредником между миром частных смыслов, образующих в единстве всех своих взаимно переплетающихся связей пространство культуры, и трансценденцией к интегральному смыслу, тому опыту безусловного, который фундирует сферу религиозности. В более узком значении ценности фундируют духовно-практическую сферу, будучи коррелятивными архетипу и символу в чувственной, а категориям в интеллектуально-теоретической сферах духовной жизни. В структуре архетипа трансцендентное и имманентное синкетичны. Символ, напротив, представляет собой синтез названных оппозиций. В этом заключается его фундаментальность для искусства как духовно-чувственной сферы человеческого творчества и религии, чувственный элемент в которой неискореним. Ценности также чувственно-сверхчувственны. Чувственно-эмоциональной стороной они подобны символам, а сверхчувственно-ментальной — категориям. Гегель писал о категориях как об «окнах в вечность». У окна, как известно, две стороны. Так и ценности, с одной стороны, включены в опыт переживания трансцендентного и могут быть преобразованы в этом опыте, что, собственно, и делает Откровение в мире, а с другой стороны, имманентны актам переживания культурных содержаний.

Попытаемся проиллюстрировать эту мысль образами. Тогда в теле культуры необходимо будет выделить ценностные ядра (желток в яйце), символизации и концептуализации в феноменах культуры (белок) и уровень объективированных воплощений

⁹ Шохин В. К. Философия религий и ее исторические формы.— М., 2010.— С. 223.

¹⁰ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма.— СПб., 2000.

¹¹ Тиллих П. Об идее богословия культуры // Сравнительное богословие: немецкий протестантизм XX века.— СПб.: Издательство ПСТГУ, 2009.— С. 227–247.

в предметах и институтах цивилизации (скорлупа). Религия в таком случае выполняет в составе культуры функцию, которая в принципе неотчуждаема в пользу иных, также претендующих на духовность, формообразований — философии, искусства, морали. Религия не только хранит ценности, но и выводит их переживание в горизонт вечности, соотнося значимое для человека с волей Бога. В этом соотнесении религия задает масштаб оценок, предлагая сетку духовно-эмоциональных категорий, позволяющих отличать добро от зла, прекрасное от безобразного, истину от лжи. Поэтому утрата культурой сакрального измерения неизбежно приводит к релятивизации ценностей. Переводя разговор в педагогическую плоскость, сделаем вывод о том, что **ценностно-культурологическую модель образования сложно выстроить на систематической основе без учета религиозного элемента.**

Доктринальные и литургические различия между конфессиями могут быть достаточно существенными, а в случае ценностей дело заключается преимущественно в акцентах. Общий ценностный фундамент вполне прослеживается в трех авраамических религиях, а с большим лагом дифференциации и в трех мировых. Система гуманистических ценностей, генерирующая все разговоры о ценностях общечеловеческих, является по своим истокам христианско-эллинистической. Понимание указанного обстоятельства формирует широкую платформу для социального партнерства, в том числе в области образования. В ценностно-культурологической модели гуманитарного образования религиозный фактор становится менее рельефным, и эта методология может быть реализована отнюдь не только в стенах РХГА. Для РХГА ценностно-культурологическая методология остается инструментом духовного просвещения, который наиболее пригоден к условиям современного постсоветского и постсталинского российского общества.

На исходе перестройки в России возникло несколько духовно-ориентированных, но светских по организационно-правовой форме учебных заведений. Отметим наиболее известные: Свято-Тихоновский университет (ПСТГУ), Российский православный институт им. ап. Иоанна Богослова (РПИ), Свято-Филаретовский православно-христианский институт (СФИ). Естественно, что религиозный элемент там представлен в немалых объемах. Но все они конфессиональны, поэтому включенность учащихся в структуры религиозной повседневности вполне органична. РХГА — единственный в истории российского образования успешный проект, выстроенный на межконфессиональной платформе¹². В РХГА сосуществуют, находя общий язык, не только христиане различных конфессий, но (хотя и в значительно меньших объемах) буддисты и мусульмане, а также неверующие и агностики. Ценностно-культурологическая методология способствует возникновению не только терпимости, но и стимулирует межконфессиональный диалог. В непростых условиях современной России ценностно-культурологическая методология построения образовательных программ представляется перспективной и ее можно рассматривать в качестве одного из инструментов построения демократического общества, граждане которого способны к конструктивному взаимодействию в конфессионально-неоднородной среде. Распространение этого опыта пока в начальной стадии. Символично, что российским лидером в данном случае выступает педагогическое сообщество Санкт-Петербурга, культуре которого традиционно присуща межконфессиональ-

---

¹² Подробнее об истории проекта см.: Бурлака Д. К. XX лет по Русскому Пути // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2009. — Вып. 2. — Т. 10. — С. 30–57.

ность¹³. В этом смысле РХГА — доподлинно петербургский и даже специфически петербургский социокультурный проект. Мы не приобщаем учащегося к религиозной традиции в ее распространенном храмово-литургическом понимании, а тем более к различающимся, причем порой существенно, конфессиональным субкультурам. Наша задача — открыть ценности, которые принесло в мир Евангелие. Шаг в религиозную жизнь человек должен, если захочет и сможет, сделать сам. Ценностное мышление составляет мост между христианской и гуманистической составляющими образовательной работы Академии.

Ценностно-культурологическая педагогика в настоящее время представляет собой программу деятельности, а также собственно практику образовательной и научной работы РХГА, включая содержательное теоретическое наполнение концепции. Важно подчеркнуть интегральный характер этой программы. По отношению к учебному процессу следует вести речь о содержательном, структурном и идеологическом уточнении концепции культурологически целостного и духовно обоснованного гуманитарного образования, которую вуз реализует уже почти четверть века. Важнейшей задачей совершенствования учебного процесса в свете ценностно-культурологической педагогики является более тесная содержательная увязка важнейших курсов, составляющих ядро программы вуза — философии, литературоведения, истории, религиоведения. Необходимо максимально преодолеть инерцию простого суммирования курсов (в организационно-практическом плане обусловленную привлечением значительного числа внешних преподавателей), тематически координируя базовые курсы по принципу взаимодополняемости. Ценностно-культурологическая методология требует завершения перехода от *суммы* (относительно самостоятельных курсов по философии, истории религий, литературе и искусству) к *системе* — интегральному видению на основе выявления базовых ценностей.

Исследовательские проекты РХГА, значительная часть которых выполняется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда¹⁴, заканчивается публикациями (статьями, монографиями, антологиями) и (или) информационными ресурсами соответствующей тематики. Специально хочется отметить несколько проектов, имеющих религиоведческо-культурологический и одновременно образовательный характер. Во-первых, следует указать на международный проект «Религия в образовании: вклад в диалог или фактор конфликта в трансформирующихся сообществах европейских стран» («REDCo»), участие в котором нашей академии координировал проф. Ф. Н. Козырев. Это издание завершилось изданием монографии, являющейся на сегодняшний день, пожалуй, наиболее системной аналитикой по проблеме в России¹⁵. Во-вторых, перспективным представляется поддержаный РГНФ проект «Образовательные парадигмы и исторические формы трансляции знания: актуальность классического опыта», который выполняется в настоящее время научным коллективом под руководством проф. Д. В. Шмонина.

¹³ Бурлака Д. К. Воспитание к духовности в постсекулярном обществе // Петербургский образовательный форум — 2010: Модернизация образования и приоритеты развития. СПб., 2010.— С. 30–41.

¹⁴ Помимо РГНФ можно упомянуть Федеральные целевые программы («Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», «Культура России»), а также конкурсы Правительства Санкт-Петербурга, поддерживающие научную конференционную и научно-издательскую деятельность.

¹⁵ Козырев Ф. Н. Гуманитарное религиозное образование.— СПб.: Изд-во РХГА, 2012.

Из других международных проектов религиоведческой и педагогической направленности, в которых принимают участие ученые РХГА, можно указать на «Религиозное образование в России и Европе» (выполняется при поддержке РФФИ на базе Института всеобщей истории РАН)¹⁶, «Исламское образование Юго-Восточной Европе» (европейский проект, координируемый Венским университетом), «Образовательные и религиозные границы Европы» (проект международного партнера РХГА — Университета Аосты, Италия). Со стороны академии эти проекты выполняются в Научно-образовательном центре изучения философии, религии и культуры (создан в 2007 г.) как элементы среднесрочной Программы научных исследований и мероприятий РХГА на 2011–2015 гг. «Христианство и ислам в современной России».

Требуется особо подчеркнуть значение научно-образовательной серии «Русский Путь: pro et contra», в которой, начиная с 1994 г., опубликовано свыше 80-ти томов. Серия представляет собой признанный академическим сообществом метод систематизации и распространения гуманитарного знания¹⁷, когда материалом выступает отечественная и мировая культура, а принцип построения антологий заключает в себе отчетливо выраженный аксиологический характер, закрепленный методикой «pro et contra»¹⁸.

Инфоресурсы, созданные под непосредственным руководством и при участии преподавателей Академии, также имеют достаточно выраженную ценностно-культурологическую направленность. С их содержанием можно ознакомиться в сети по адресам: <http://do.rchgi.spb.ru/lib.php> «Библиотека учебного портала Русской христианской гуманитарной академии», <http://anthropology.rchgi.spb.ru> «Библиотека по антропологии»; <http://renaissance.rchgi.spb.ru> «Философская библиотека ренессанса»; <http://antology.rchgi.spb.ru> «Философская библиотека средневековья»; <http://russianway.rhga.ru> «Электронная библиотека «Русский путь»; <http://journals.rhga.ru> «Полнотекстовая база данных российских философских журналов XIX — начала XX века»; <http://hegel.rhga.ru> Электронная библиотека и инфоресурс «Гегель в России»; <http://russidea.rchgi.spb.ru> «Электронная библиотека «Русская идеология»; <http://lermontov.rhga.ru> «Электронная библиотека и инфоресурс «М. Ю. Лермонтов в русской и мировой культуре»; <http://summa.rhga.ru> «Современная мультимедийная энциклопедия философских, культурологических и религиоведческих знаний» (проект в стадии разработки); <http://christian.rchgi.spb.ru> «Культурно-конфессиональная структура христианской цивилизации: православие, католицизм, протестантизм — социокультурный аспект влияния».

¹⁶ Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII — начале XIX в. / под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота.— СПб.: Изд-во РХГА, 2009; Религиозное образование в России и Европе в XVI в. / под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота.— СПб.: Изд-во РХГА, 2010. Религиозное образование в России и Европе в XVII в. / под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота.— СПб.: Изд-во РХГА, 2011; Религиозное образование в России и Европе в XVIII в. / под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота.— СПб.: Изд-во РХГА, 2013.

¹⁷ Бурлака Д. К. Серия «Русский Путь: pro et contra» как метод систематизации и распространения гуманитарного знания // Вестник Российской гуманитарного научного фонда. 3 (68).— М., 2012.

¹⁸ Маслин М. А. Русский путь // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия.— 2013.— № 3. С. 176–178. Рылеева А. Н. Данте: pro et contra // Вопросы философии.— 2013.— № 2.— С. 179–182. Павлов А. Т. В. Г. Белинский: pro et contra // Вопросы философии.— 2013.— № 1.— С. 176–178.

Конференции, проводимые на базе РХГА, тематически по большей части соответствуют направлениям учебной и научной работы, распространяя и популяризируя результаты, полученные в рамках ценностно-культурологической педагогики. Для координации общих усилий принято соответствующее организационное решение: в 2011 г. решением Ученого совета РХГА и бюро Северо-Западного отделения Российской академии образования в структуре нашей академии создана Научная лаборатория ценностно-культурологической педагогики СЗО РАО, на базе которой не только выполняются теоретические исследования, но реализуется программа повышения квалификации учителей «Духовно-нравственное образование: петербургский вектор». Таким образом, со временем ценностно-культурологическая педагогика может стать одним из ключевых направлений развития отечественной гуманитарной науки и практики образования. Для этого должен быть накоплен соответствующий потенциал. Пока работа проходит на площадке одного вуза. Однако в свое время христианство, зародившись в Палестине в иудейской среде, стало мировой религией, включающей в себя различные культурные и конфессиональные традиции. Наши амбиции безусловно скромнее, однако будучи организацией, реализующей свою духовно-просветительскую миссию, академия призвана расширять влияние своих идей. В ситуации постмодернистского релятивизма и все и вся уравнивающей глобализации ценностно-культурологическая педагогика представляет собой метод мирного сопротивления энтропии постмодерна, разрушению духовно-функционированных традиций. Этот метод позволяет избежать крайностей технократического и сциентистского глобализма и национального и конфессионального изоляционизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.— СПб., 2000.
2. Булгаков С. Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов.— СПб., 1997.
3. Бурлака Д. К. Богословие культуры как методология построения высшего профессионального гуманитарного образования. Опыт РХГИ // Антропологический синтез: Религия, философия, образование.— СПб., 2001.— С. 78–97.
4. Бурлака Д. К. Воспитание к духовности в постсекулярном обществе // Петербургский образовательный форум — 2010: Модернизация образования и приоритеты развития.— СПб., 2010.— С. 30–41.
5. Бурлака Д. К. Метафизика культуры.— СПб., 2008.
6. Бурлака Д. К. Русский христианский гуманитарный институт — структурное подразделение СЗО РАО // Вестник СЗО РАО. Образование и культура Северо-Запада России.— 1997.— Вып. 2.
7. Бурлака Д. К. Серия «Русский Путь: pro et contra» как метод систематизации и распространения гуманитарного знания // Вестник Российского гуманитарного научного фонда.— М., 2012.— 3 (68).
8. Бурлака Д. К. XX лет по Русскому Пути // Вестник Русской христианской гуманитарной академии.— 2009.— Вып. 2.— Т. 10.— С. 30–57.
9. Козырев Ф. Н. Гуманитарное религиозное образование.— СПб., 2012.
10. Павлов А. Т. В. Г. Белинский: pro et contra // Вопросы философии.— № 1.— 2013.— С. 176–178.

11. Пивоваров Д. В. *Онтология религии*.— СПб., 2009.
12. Религиозное образование в России и Европе в XVI в. / Под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота.— СПб., 2010.
13. Религиозное образование в России и Европе в XVII в. / под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2011.
14. Религиозное образование в России и Европе в XVIII в. / под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2013.
15. Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII—начале XIX в. / Под ред. Е. С. Токаревой, М. Инглота.— СПб., 2009.
16. Русский христианский гуманитарный институт. Концепция. Программы. Документы.— СПб., 2001.
17. Рылеева А. Н. Данте: *pro et contra* // Вопросы философии.— 2013.— № 2.— С. 179–182.
18. Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России.— СПб., 2013.
19. Тиллих П. Об идее богословия культуры // Сравнительное богословие: немецкий протестантизм XX века.— СПб., 2009.— С. 227–247.
20. Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? // Российская философская газета.— 2008.— 4 (18).— № 5 (19).
21. Шохин В. К. Философия религий и ее исторические формы.— М., 2010.